

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

Факультет социальных наук

Ластовецкий Дмитрий Александрович

**ТЕОРИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО МИРА: СЕТЕВОЙ
ПОДХОД**

Курсовая работа

по направлению подготовки 41.03.04 Политология

студента группы № БПТ191 (образовательная программа «Политология»)

Научный руководитель:

Преподаватель, аспирант

Мальцев Артём Михайлович

Москва, 2022

Оглавление

Введение	3
Концептуализация теории демократического мира	5
Каузальная логика демократического мира	9
Нормативная логика	9
Институциональная логика	12
Институциональные механизмы третьей волны	15
Парламентский мир	15
Unpacking democracy	16
Дополнительные институциональные механизмы	17
Уровень неравенства	18
Уровень образования	19
Данные	20
Сетевой анализ	23
Моделирование графа	24
Интерпретация оценок коэффициентов	25
Заключение	27
Список литературы	29

Введение

Демократические государства почти никогда не воюют. Это одно из наиболее примечательных теоретических достижений либеральной теории международных отношений, часто преподносимое как стилизованный факт. Тем не менее, перефразируя известную цитату Брюно Латура (Latour, 2007), с демократическим миром нет никаких проблем, кроме двух слов: “демократический” и “мир”. Как именно предыдущие авторы определяли демократии, если те сущности, которые они так называли, в итоге не воюют? Демократии не склонны воевать между собой или не склонны воевать в принципе? Какова каузальная логика теории демократического мира?

Литература даёт крайне противоречивые ответы на вышеприведённые вопросы. Ряд авторов пытаются преподнести теорию демократического мира в монадическом восприятии – как утверждение о том, что демократии меньше воюют *вообщe*; им противостоят сторонники диадического подхода, который утверждает, что демократии воюют с недемократиями в среднем столько же, сколько и недемократии, но при этом реже воюют *друг с другом*; одни авторы, следуя общей логике Иммануила Канта (Kant, 1970), утверждают, что демократии реже воюют из-за усвоения демократических норм и ценностей: в демократиях население чаще признаёт ценность человеческой жизни, что не позволяет им участвовать в войнах; другие авторы утверждают, что всё дело не в нормах, а в демократических институтах, в особенности в *подотчётности*, которая не даёт возможности провести быструю мобилизацию и является причиной высокой степени информированности населения о проводимой политике.

Для каждого из приведенных выше подходов существуют количественные оценки, в той или иной степени подтверждающие каждый из факторов влияния режима на войны. Однако, существуют и более новые теоретические оценки различных эффектов на вероятность начала войн, к примеру, уровень неравенства (Demin, 2018) и уровень образования (Justino, 2011). Кроме того, все наиболее значимые работы по теории демократического мира были написаны в третьей чет-

вери XX века и использовали достаточно консервативные методы количественной оценки, в связи с чем влияние различных факторов на вероятность начала войн не было протестировано при помощи графовых методов.

В данной работе мы попытаемся оценить влияние вышеперечисленных факторов при помощи новой методологии. Таким образом, *предмет* нашего исследования - связь между политическим режимом государства и его нахождением в состоянии вооружённого конфликта. *Проблема* нашего исследования состоит в отсутствии общей оценки эффектов подотчетности, свободы СМИ, неравенства, уровня образования и политического режима на вероятность начала военных действий. Вытекающий из проблемы *исследовательский вопрос* - оказывают ли данные факторы статистически значимое влияние на вероятность начала военных действий? *Цель* нашего исследования состоит в том, чтобы оценить влияние подотчётности, свободы СМИ, неравенства, уровня образования и политического режима на вероятность начала военных действий. *Задачи* нашего исследования следующие: во-первых, адекватно описать современную концептуализацию теории демократического мира, во-вторых, идентифицировать каузальные механизмы различных факторов, в-третьих, выполнить дескриптивный анализ данных для определения характера зависимости отклика от предикторов, в-четвертых, обучить модель и проинтерпретировать оценки коэффициентов. *Метод* нашего исследования – статистическая акторно-ориентированная модель (Stochastic Actor-oriented Model). Обоснование выбора методологии будет дано в соответствующей главе работы.

Концептуализация теории демократического мира

Традиционно, отцом теории демократического мира считается Иммануил Кант. В своём эссе *K вечному миру* 1795 года он описывает три механизма, через которые достигается мир между государствами.

Во-первых, существование в каждом из государств *республиканского гражданского устройства*, которое Кант определяет как *устройство, установленное, во-первых, согласно с принципами свободы членов общества (как людей), во-вторых, в соответствии с основоположениями о зависимости всех (как подданных) от единого общего законодательства и, в-третьих, по закону равенства всех (как граждан государства)* (Kant, 1970). Согласно мысли Канта, в государствах с республиканским гражданским устройством правительству требуется общественное одобрение для использования армии.

Вторым механизмом, гарантирующим вечный мир, Кант считает необходимость *основания международного права на федерализме свободных государств*. Кант утверждает, что внутри государств народы живут в гражданском состоянии, что делает возможной реализацию базовых прав, но между собой государства всё ещё находятся в естественном состоянии, и поэтому основным инструментом международной политики всё ещё является война. Преодолеть это можно при помощи создания *особого рода союза, который можно назвать союзом мира (foedus pacificum)* и который отличался бы от мирного договора (*pactum pacis*) тем, что последний стремится положить конец лишь одной войне, тогда как первый – всем войнам, и навсегда. Этот союз имеет целью не приобретение власти государства, а исключительно лишь поддержание и обеспечение свободы государства для него самого и в то же время для других союзных государств, причем это не создает для них необходимости (подобно людям в естественном состоянии) подчиняться публичным законам и их принуждению (Kant, 1970).

Третий механизм – это *право всемирного гражданства должно быть ограничено условиями всеобщего гостеприимства*. В этом разделе Кант отмечает, что международные отношения интенсифицировались из-за роста международ-

ной торговли, и что международная торговля привела к негостеприимному обращению с автохтонным населением колоний, которое в ответ начало максимально закрываться от международных связей. Тем не менее, *дух коммерции* нельзя преодолеть, и торговые отношения будут вынужденно интенсифицироваться и дальше, в связи с чем Кант настаивает на том, что рано или поздно гостеприимное отношение станет нормативным требованием международных отношений (Mello, 2014b).

Эти соображения кантианского эссе оказали колossalное влияние на либеральную теорию международных отношений (Molloy, 2019). Особенno влиятельным оказался первый из описанных механизмов: в XX веке теоретики в целом отождествили кантианское *республиканское гражданское устройство* и обновлённое понимание демократии как политического режима с соблюдением прав и свобод человека и гражданина и политического равенства граждан (Easley, 2004). Кроме того, именно данный механизм лучше всего проверяется при помощи количественных методов: достаточно просто рассмотреть статистические различия нахождения в состоянии вооруженного конфликта между демократическими и недемократическими режимами. Значимость данных статистических различий успешно доказало первое поколение исследователей теорий демократического мира (Maoz, 1998; Oneal & Russett, 1999; Weart, 2001), несмотря на значительные, но провалившиеся попытки методологической критики (Layne, 2014; Gartzke, 1998).

Однако, несмотря на отсутствие значимой статистической критики, первое поколение сторонников теории демократического мира столкнулось со значительной концептуальной неопределенностью. Оставались наиболее спорными основные понятия: *как именно нужно определить демократии и мир, чтобы проверить данный стилизованный факт?* Дебаты успешно завершились консенсусом в литературе: большая часть исследований определили демократии в минималистичном понимании как *электоральные демократии*, требуя исключительно исполнения электоральных норм и достаточной степени государственной состоятельности (Mello, 2014b). *Мир* определялся как простое неучастие в международных конфликтах в год наблюдения. С использованием данных критериев был

обнаружен ряд значимых исключений (Таблица 1 приводится по (Rosato, 2003), составлено автором по (Przeworski et al., 2000; Farwell, 1973; Featherstone, 1973; Haythorthwaite, 1995; Hernon, 2000)):

Таблица 1: Империалистические войны с участием электоральных демократий

Год	Конфликт	Описание
1838	Британско–зулусский	Зулузы ответили на территориальные посягательства. Подавлен.
1838	Британо–афганский	Превентивная война с целью создания буфера против России.
1839	Первая опиумная война	Британцы пытаются силой открыть китайские рынки.
1843	Британцы–белуджи	Аннексия с целью контроля южного маршрута в Афганистан.
1845	Уругвайский спор	Британское вмешательство в местный конфликт.
1845	Британско–сикхский	Попытка контролировать сикхов.
1846	Британско–кафрский	Кафры ответили на территориальные посягательства.
1848	Британско–сикхский	Восстание против британского контроля. Подавлен.
1852	Британско–бирманский	Аннексия после того, как бирманский суд арестовал торговцев.
1856	Вторая опиумная война	Британцы пытаются силой открыть китайские рынки.
1860	Британцы–маори	Маори ответили на территориальные посягательства. Подавлен.
1865	Британско–бутанский	Экспедиция по устранению бутанской угрозы.
1867	Британско–эфиопский	Вторжение из-за тюремного заключения британских подданных.
1873	Франко–Тонкинский	Беспорядки в Тонкине как предлог для расширения влияния.
1873	Голландско–ачинский	Голландцы требовали контроля над портами.
1878	Британско–афганский	Превентивная война с целью установления контроля до России.
1879	Британско–зулусский	Справоцировал нападение зулусов.
1881	Франко–Тунисский	Превентивная война: опасение вторжения Италии.
1882	Франко–индокитайский	Попытка навязать контроль.
1883	Франко–мадагаскарский	Попытка консолидировать сферу влияния.
1885	Британско–бирманский	Превентивная война: опасение вторжения Франции.
1885	Мандingo	Французы пытаются установить контроль.
1889	Франко–дагомейский	Завоевание для доступа к реке Нигер.
1890	Франко–сенегальский	Попытка контролировать ресурсы Западной Африки.
1892	Бельгийско–конголезский	Попытка контролировать и эксплуатировать ресурсы Конго.
1893	Британский–Ашанти	Попытка установить контроль и опередить Францию.
1894	Франко–мадагаскарский	Завоевание для укрепления контроля.
1896	Восстание Махди	Британцы пытаются контролировать Нил и опередить Францию.
1897	Британско–нигерийский	Карательная экспедиция.
1899	Бурский	Британская превентивная война.
1911	Первый марокканский	Французская попытка установить контроль.
1919	Британско–афганский	Афганская попытка выйти из-под британского контроля.
1920	Франко–сирийский	Попытка установить влияние. Независимость Сирии.

В связи с этим возникла и обширная критика теории демократического ми-ра. В отсутствие адекватно прояснённой каузальной логики невозможно принять демократический мир как стилизованный факт с учетом такого числа исключений; возникла необходимость в более строгой концептуализации терминов и четком прояснении причинно-следственных связей, иначе сокращение числа войн может объясняться другими факторами (Farber & Gowa, 1997). Кроме того, да-

же по приведённому анализу эссе Канта мы видим, что подход был в основном сфокусирован на *конечном состоянии*, на вечном мире как итоговой характеристике международных отношений. В этой связи остаётся непроясненным то, как именно будут осуществляться приведённые механизмы во время самого перехода государств от естественного состояния в международных отношениях ко *всемирной федерации*, в более новых терминах - во время волн демократизации. Данные упоминания постарались устраниить исследователи второго поколения теорий демократического мира.

Каузальная логика демократического мира

Основные найденные исследователями второй волны механизмы влияния режима на мир следующие (классификация, данная в таблице 2, приводится по (Rosato, 2003); каузальность понимается в описании (George & McKeown, 1985; King, Keohane, & Verba, 1994; Van Evera, 1997)):

Таблица 2: Каузальная логика теории демократического мира

Логика	Предиктор	Каузальный механизм	Отклик
Нормативная	Демократия	Интериоризация норм	Демократические ценности
Институциональная	Демократия	Подотчётность	Общественный контроль
Институциональная	Демократия	Подотчётность	Групповой контроль
Институциональная	Демократия	Подотчётность	Медленная мобилизация
Институциональная	Демократия	Подотчётность	Невозможность внезапного нападения
Институциональная	Демократия	Подотчётность	Симметрия информации

Проясним каждый из каузальных механизмов и постараемся дополнить их собственными соображениями.

Нормативная логика

Сторонники нормативной логики теории демократического мира предполагают, что наиболее важным следствием демократии является социализация политических элит. Нормы, которые интериоризируются представителями политической элиты, предполагают приоритет несиловых методов разрешения конфликтов и *уважение к своим конкурентам*. После усвоения этих норм во внутреннем политическом процессе, лидеры руководствуются ими и при осуществлении международных отношений. Таким образом, реализуется *уважение и доверие*: уважение вызвано верой в то, что другое государство придерживается тех же норм и поэтому может иметь справедливые претензии и доступно для достижения консенсуса; доверие проистекает из ожидания того, что другая сторона в споре также уважает демократию, и локальные нормативные механизмы не позволяют ей вступить в военные действия (Dixon, 1994; Russet, 1993).

Здесь следует заметить, что понятие *демократических норм* крайне размыто и не часто используется в литературе. Гораздо чаще используется понятие *либер-*

ральных ценностей, и авторы, судя по всему, часто подменяют эти понятия. В этой связи, сторонники нормативной логики в основном пользуются определением демократии как *либеральной демократии* и предпочитают *диадический подход* к теории демократического мира, согласно которому демократии воюют с недемократиями в среднем столько же, сколько и недемократии, но при этом реже воюют друг с другом.

В нормативной логике существует и адекватное объяснение тому, почему демократии воюют с авторитарными государствами. Используя терминологию (Dixon, 1994), демократии *не уважают и не доверяют* авторитарным государствам. Авторитарные государства не придерживаются тех же норм, что либеральные демократии, не могут достичь консенсуса и не доверяют другим демократическим государствам, часто используют антидемократические нарративы (Guriev & Treisman, 2022). Таким образом, в этой логике демократии вполне могут напасть на авторитарные государства, к примеру, в случае состояния гражданской войны внутри самого авторитарного государства или в случае превентивной защиты от нападения авторитарного государства (Doyle, 2017).

Несмотря на значимую аргументацию, нормативная логика подверглась значительной критике и не используется в наиболее современных работах. Во-первых, критики отмечают, что ни в либеральные, ни в демократические ценности не входит возможность *превентивного вторжения* или *защиты другого народа от диктатора*. Классические теоретики либерализма упоминают эти возможности¹ ², но наиболее современные теоретики предполагают, что либеральные демократии могут вторгаться на территории других государств только в том случае, если это обеспечит *наибольшую реализацию принципов справедливости* в исключительно правовом понимании (Beitz, 1999).

¹ *human rights violators are to be condemned and in grave cases may be subjected to forceful sanctions and even to intervention* (Rawls, 1993)

² *Among the many reasons why the same rules cannot be applicable to situations so different, the two following are among the most important. In the first place, the rules of ordinary international morality imply reciprocity. But barbarians will not reciprocate. They cannot be depended on for observing any rules. Their minds are not capable of so great an effort, nor their will sufficiently under the influence of distant motives. In the next place, nations which are still barbarous have not got beyond the period during which it is likely to be for their benefit that they should be conquered and held in subjection by foreigners. Independence and nationality, so essential to the due growth and development of a people further advanced in improvement, are generally impediments to theirs* (Mill, 1875)

Кроме того, нормативная логика не подтверждается эмпирически даже в наиболее строгом определении диадического подхода для либеральных демократий. Рассмотрим как пример вторжения Соединенных Штатов на территорию других либеральных демократий во время Холодной Войны (таблица 3 составлена на основе (Rosato, 2003) и основана на данных из (Barnet, 1972; Bill, 1988; Forsythe, 1992; Gardner, 2019; Gleijeses, 1991; Gurtov, 1974; Leacock, 1990; Ryan, 2016; Sater, 1990; Tillema, 1973; Weis, 1993)):

Таблица 3: вмешательства США в политику других либеральных демократий

Цель	Описание
Иран (1953)	Премьер-министр Ирана Моссадык был демократически избран в 1951 году и пытался проводить реформы, направленные на либерализацию, в частности, введение пособий по безработице и сокращение армии. Тем не менее, он был свергнут в результате переворота, организованного британскими и американскими спецслужбами. В государстве произошёл авторитарный откат.
Гватемала (1954)	Хакобо Арбенс, демократически избранный лидер Гватемалы, также пытался проводить либеральные реформы, в том числе, при нем была принята земельная реформа, которая предполагала передачу земли крупных американских компаний гватемальским крестьянам и национализацию железных дорог. Был свергнут в результате военного переворота, организованного ЦРУ. Авторитарный откат.
Британская Гвина (1961)	ЦРУ предпринимало попытку покушения на Джагана, премьер-министра Гвины. На выборах 1964 года Народная прогрессивная партия получила большинство мест в парламенте, но Народный национальный конгресс воспользовался изменением избирательного законодательства, санкционированного Британией, и сформировал коалицию с консервативной партией, сместив Джагана с поста премьер-министра. Авторитарный откат.
Бразилия (1961, 1964)	Правительство США участвовало в отставке президента Жанио Куадрашу и спровоцировало вооруженное восстание, которое привело к отставке Жуана Гуларта, что привело к приходу к власти Кастелу Бранку и авторитарному откату.
Индонезия (1967)	В результате спецоперации американской разведки демократически избранный президент Сукарно был свергнут. Проводимая Сукарно политика была расценена США как прокоммунистическая.
Чили (1973)	Соединенные штаты поддержали вооружённое восстание, в ходе которого был свергнут избранный президент Чили Сальвадор Альенде. Правительство Альенде предприняло первую в мире попытку создания компьютеризированной системы управления экономикой и компьютеризированной системы обратной связи граждан.
Никарагуа (1984)	Сандинисты были более демократичны, чем поддерживаемая Америкой династия Сомоса. Провели выборы в 1984 году и уступили международному давлению в вопросе о соблюдении ряда гражданских прав. Соединенные Штаты стремились устраниć коммунистическую угрозу и поддержали Конtras - основную оппозиционную силу Никарагуа - в гражданской войне.

Эти примеры иллюстрируют мысль о том, что даже в случае устойчивой либеральной демократии, такой, как Соединённые Штаты, трудно говорить об интегризации политической элитой либерально-демократических норм и ценностей уважения и доверия.

Более того, степень этой интериоризации норм и ценностей крайне тяжело измерить или оценить любым другим методом. Для этого нужно проводить опросы политической элиты большой группы стран, что по очевидным методологическим соображениям не представляется возможным. В связи со всеми данными соображениями нормативная логика в целом отвергнута в современных исследованиях.

Институциональная логика

Институциональная логика демократического мира предполагает, что демократические институты делают лидеров *подотчетными* населению, которое может выступать против войны. Подотчетность вызвана тем, что политические элиты хотят оставаться у власти и тем, что при демократическом режиме население имеет возможность законным путём прекратить работу правительства, которое не удовлетворяет их интересы (Baron & Ferejohn, 1989).

Подотчётность работает через ряд косвенных механизмов. Первым из таких механизмов является уже упомянутый общественный контроль: политические лидеры реагируют на отвращение широкой общественности к войне, которая в данном механизме объясняется тем, что население предполагает возможность смерти в результате военных действий (Lake, 1992; Owen, 2000). Этот механизм подвергся широкой критике: в большей части современных государств служба в армии не является обязательной, и большая часть граждан не рискует умереть в ходе военных действий и даже не будет знать ни одного погибшего. Это подтверждается эмпирически: к 1994 году США и Британия несли менее 100 потерь в 97 % конфликтов, в которых они участвовали (Singer & Small, 1994).

Вторым механизмом является групповой контроль, и содержательно он очень схож с первым и является его неолиберальным дополнением: демократические лидеры ограничены антивоенными группами, которые выступают против военных конфликтов в связи с собственными экономическими интересами и будут подталкивать лидеров к довоенному урегулированию конфликтов (Lalman & de Mesquita, 1994). Этот механизм также был раскритикован: в авторитарных режи-

мах у селектората также существуют стимулы для невступления в военные действия, так как селекторат часто включён в международную торговлю (Melville, Stukal, & Mironiuk, 2014) и будет опасаться возможных рыночных ограничений. При этом авторитарный лидер по определению достаточно подотчётен селекторату (de Mesquita, Morrow, Siverson, & Smith, 2004), что не согласуется с логикой механизма группового контроля. Кроме того, в демократических режимах очевидно также есть группы, которые заинтересованы в военных действиях: генералитет или крупные производители вооружений (Rosato, 2003).

Два других механизма основаны на утверждении о том, что демократии не способны к быстрой мобилизации. Механизм медленной мобилизации заключается в том, что демократии не могут мобилизоваться быстро, так как убеждение потенциальных антивоенных групп в необходимости военных действий - длительный и сложный процесс, который невозможно форсировать. Механизм невозможности внезапного нападения заключается в том, что подготовка к военным действиям требует работы большого числа чиновников, что не позволяет сохранить возможное нападение в тайне. Два эти механизма существенно замедляют возможное объявление войны со стороны демократических государств и дают время этим государствам для разрешения конфликта довоенным путём.

Эти механизмы также были подвергнуты критике. Так, в большей части демократических государств существуют особые правовые режимы на случай объявления военных действий, которые позволяют лидерам государств обходить бюрократические ограничения. Простым эмпирическим свидетельством этого являются США: за всю историю США начинали военные действия за рубежом более 200 раз, но только пять из этих действий были согласованы и объявлены Конгрессом, а остальные были санкционированы президентом в одностороннем порядке (Rourke, 1993). Механизм невозможности внезапного нападения опровергается на теоретическом уровне: нет возможности доказать, что демократические режимы хуже хранят секретные сведения, чем авторитарные, и более значимым фактором для предсказания внезапного нападения является скорее качество работы разведывательных служб государств, обороняющихся в случае нападения (Kam, 2009).

Наиболее устойчивым к критике является пятый механизм, согласно которому демократии обеспечивают доступ информации, которая может предотвратить войны. Поскольку демократические элиты подотчетны своим гражданам и могут ожидать, что оппозиционные партии выступят против непопулярной политики, они будут осторожны при принятии решения о втягивании страны в войну. Они будут начинать конфликты только в том случае, если они высоко ценят исход этих конфликтов и если они ожидают, что эскалация будет популярна внутри государства. Это посылает четкий сигнал другим партиям: если демократии начинают войны, то население широко поддерживает начало военных действий. Таким образом, при потенциальных конфликтах между двумя демократиями оба государства будут иметь хорошую информацию о решимости другой стороны, вряд ли будутискажать свою собственную решимость и, следовательно, смогут достичь решения путем переговоров, а не нести риски и издержки, связанные с применением силы (de Mesquita, Morrow, Siverson, & Smith, 1999).

В этой логике также понятно, почему демократии сравнительно часто воюют с недемократиями и редко воюют друг с другом. Авторитарные лидеры в меньшей степени подконтрольны широким массам населения, и, следовательно, им не нужна чрезмерно широкая поддержка при принятии решения о начале войны. Это означает, что они, в целом, с большей вероятностью будут действовать агрессивно на международной арене. Таким образом, войны между демократиями и недемократиями могут происходить по трем причинам. Во-первых, демократиям, возможно, придется защищаться от нападений недемократий. Во-вторых, им, возможно, придется упраждать недемократии, которые могут стать агрессивными в будущем. В-третьих, они могут решить бороться с недемократией, ошибочно полагая, что мирные переговоры невозможны (Lalman & de Mesquita, 1994; Lake, 1992).

Институциональные механизмы третьей волны

Несмотря на достаточно широкую критику институциональной логики 1990-ых годов, она оказалась более влиятельной, и авторы третьей волны исследований демократического мира искали другие механизмы влияния демократических институтов на решение государств о вступлении в военные действия.

Парламентский мир

В современной литературе одной из наиболее влиятельных и подтвержденных модернизаций теории демократического мира является *парламентский мир*. Согласно этой концепции, демократии с парламентским правом вето с меньшей вероятностью участвуют в военных интервенциях, чем демократии без такого права вето, при прочих равных условиях. Каузальное объяснение базируется на нескольких механизмах. Во-первых, согласно теории вето-игроков, добавление дополнительного вето-игрока в целом делает вероятность любого действия ниже из-за необходимости согласия дополнительного участника (Tsebelis, 1999, 2000, 2011). Во-вторых, хорошо наложенная система сдержек и противовесов замедляет процесс принятия решений. Так, в том числе и из-за необходимости длительного парламентского обсуждения введения войск правительство Кэмерона не смогло нанести ракетный удар по Сирии (Kaarbo & Kenealy, 2016). В-третьих, институциональные ограничения вынуждают лидеров выбирать только определенные типы конфликтов: войны, инициируемые демократиями, гораздо менее смертоносны, чем войны, инициированные недемократиями; кроме того, демократии, как правило, выигрывают конфликты, в которых они участвуют, так как лидеры вынуждены выбирать конфликты, в победе в которых они уверены (Reiter & Stam, 2010).

Теория парламентского мира имеет широкий ряд эмпирических подтверждений. Так, Вагнер (Wagner, 2018), изучая модели участия от 25 до 35 стран в пяти военных миссиях, находит, что если военная миссия является примером солидарности альянса, как это было в случае с войной в Ираке, внутренние институцио-

нальные ограничения могут быть преодолены политикой альянса. Если, однако, страны пользуются большей свободой действий при принятии решений о применении силы, внутренние ограничения, такие как военные полномочия парламента, оказывают статистически значимое влияние на политику правительства. Другим значимым эмпирическим подтверждением является работа Патрика Мелло о вторжении в Косово, Афганистан и Ирак (Mello, 2014a, 2012), согласно которой основными факторами, объясняющими решения стран о вступлении в войны, были патрийный состав правительства и наличие права вето на решение о начале войны у парламента. Наиболее склонными ко вступлению в военный конфликт были правоцентристские правительства с отсутствием права парламентского вето.

Существующая критика хоть и интересна для рассмотрения, но, тем не менее, гораздо менее состоятельна, чем в предыдущих случаях. Так, к примеру, Лагассе и соавторы (Lagassé & Mello, 2018) показывают, что голосование в парламентах Германии и Канады по развертыванию войск в Афганистане побудило основные партии вступить в сговор, чтобы уменьшить дебаты по афганской миссии, несмотря на растущую общественную оппозицию и внимание средств массовой информации, что рассматривается авторами как пример негативного влияния элитных групп. Тем не менее, это частная критика, апеллирующая к одному эмпирическому кейсу и слабо подкрепленная каузальными соображениями.

Unpacking democracy

Unpacking democracy – другое значимое ответвление теории демократического мира – скорее методологическое направление, чем конкретные механизмы, которые вполне включают раннее описанные механизмы парламентского контроля (Dieterich, Hummel, & Marschall, 2015). Общей сутью этого направления является стремление к детальному рассмотрению процесса принятия решений в демократических государствах, внимание к конкретным механизмам работы системы сдержек и противовесов, рассмотрение парламентских коалиций, конституционно-

го и институционального дизайна различных демократий. Рассмотрим наиболее значимые факторы из этого направления:

- **Влияние парламентских коалиций.** Парламентские коалиции оказывают большое влияние на принятие решений о введении войск зарубеж. Так, Падовано и соавторы (Padovano & Venturi, 2001) показывают, что размер и состав коалиции влияет на решение об использовании войск зарубежом и о прекращении их деятельности зарубежом на примере военных действий Италии второй половины XX века. Кроме того, решения о военном участии идеологически однородных коалиционных правительств вызывают более высокий уровень политического противостояния, как и высокое количество фракций в парламенте (Haesebrouck & van Immerseel, 2020). Несмотря на значимость данного фактора, данные для него доступны с большим трудом, поэтому мы, к несчастью, не сможем учесть его при формальном моделировании.
- **Институциональный дизайн.** Исследования о роли конституционного и институционального дизайна в целом включают и обобщают результаты исследований парламентского мира, периодически затрагивая не только дизайн системы государственного управления, но и институциональную структуру международных альянсов и других международных организаций. К примеру, Вайцман (Weitsman, 2010) обращает внимание на различное поведение государств в зависимости от их членства в альянсах или в коалициях. Так, во многих отношениях государства в коалициях сосредотачиваются главным образом на оперативной эффективности, в то время как политическая эффективность становится главной целью альянсов. Теоретический механизм подтверждён на примерах первой войны коалиции в Персидском заливе и операций НАТО в Косово.

Дополнительные институциональные механизмы

Несмотря на столь внушительный список и колossalный труд предыдущих авторов, мы полагаем, что на основании наиболее современной литературы мож-

но выделить ряд дополнительных механизмов, через которые демократические институты помогают предотвращать международные конфликты.

Уровень неравенства

Первым из предлагаемых дополнительных механизмов является уровень экономического неравенства населения. Так, демократические режимы поддерживают инклюзивные политические институты, которые предполагают широкое включение населения в принятие политических решений, что поддерживает и поддерживается инклюзивными экономическими институтами, такими, как институты прав собственности и судебной системы (Acemoglu & Robinson, 2012), что стабильно подтверждается эмпирически (Houle, 2018; Schäfer & Schwander, 2019; Lichbach, 1989). При этом существует перевёрнутая U-образная зависимость между вероятностью начала войны и уровнем экономического неравенства с контролем по уровню подотчётности: (Demin, 2018)

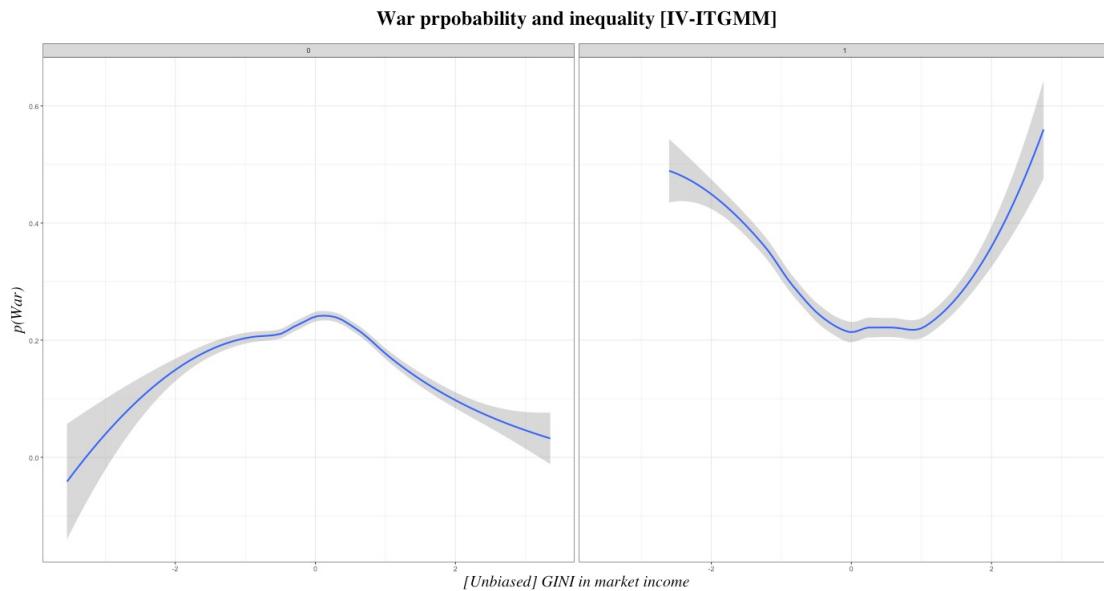

Рис. 1: Прогнозируемая склонность к войне в зависимости от неравенства для разной подотчетности

Таким образом, мы можем однозначно сказать, что так как демократизация снижает уровень неравенства, то инклюзивные экономические институты являются одним из институциональных механизмов, объясняющих демократический мир.

Уровень образования

Следующий дополнительный механизм, который мы предлагаем, - уровень образования населения. С одной стороны, мы действительно знаем, что в демократиях средний уровень образования населения выше. На теоретическом уровне это объясняется тем, что образование является потребностью индивидов, так как оно позволяет максимизировать ожидаемый жизненный доход, и в демократиях правительства достаточно контролируются населением, чтобы предоставлять данные публичные блага (Goldin, 2016); у этого утверждения есть весомые эмпирические доказательства (Acemoglu, Johnson, Robinson, & Yared, 2005). Кроме того, элиты демократических государств заинтересованы в высоком уровне человеческого капитала для повышения уровня режимной стабильности (Glaeser, Ponzetto, & Shleifer, 2007).

Мы предполагаем, что высокий уровень образования населения снижает вероятность начала войны со стороны государства. Это предположение основывается на том, что человеческий капитал тесно скоррелирован с социальным капиталом, высокий уровень которого снижает вероятность проявления международной агрессии согласно эмпирическим исследованиям (Rohner, Thoenig, & Zilibotti, 2013; Thyne, 2006) .

В связи с вышесказанным, мы можем представить тестируемые нами механизмы следующим образом:

Таблица 4: Предполагаемая нами каузальная логика демократического мира

Логика	Предиктор	Каузальный механизм		Отклик
Институциональная	Демократия	Подотчётность	Симметрия информации	Мир
Институциональная	Демократия	Парламентское вето	Вето-игроки и скорость	Мир
Институциональная	Демократия	Альянсы	Политические ограничения	Мир
Институциональная	Демократия	Инклузивность	Низкое неравенство	Мир
Институциональная	Демократия	Образование	Социальный капитал	Мир

Теперь мы можем протестировать выявленные механизмы на данных.

Данные

Для нашего исследования мы используем следующие данные:

- Индекс подотчётности (*accountability*).

Согласно определению в описании датасета, *подотчетность правительства понимается как ограничения на использование правительством политической власти посредством требований обоснования его действий и потенциальных санкций*. Мы организуем подтипы подотчетности пространственно. *Вертикальная подотчетность относится к способности населения штата привлекать свое правительство к ответственности посредством выборов, горизонтальная подотчетность относится к сдерэжкам и противовесам между институтами; а диагональная подотчетность охватывает надзор со стороны организаций гражданского общества и деятельность средств массовой информации (Varieties of Democracy (V-Dem) Project, Version 12, 2022)*. Индекс рассчитывается как стандартизированный результат анализа латентных переменных и измеряется от 0 до 1.

- Право вето у парламента в случае объявления войны (*veto*).

Эти данные мы берём также из (*Varieties of Democracy (V-Dem) Project, Version 12, 2022*). Бинарная переменная.

- Членство государства в международном военном альянсе (*alliance*).

Переменная составлена нами самостоятельно. Равна 1, если государство в год наблюдения было членом военно-политического альянса, состоящего из преимущественно демократических государств (НАТО, ЗЕС, ANZUK, ANZUS), и равна 0 в противном случае. Бинарная переменная.

- Индекс Джини (*gini_disp*).

Это наиболее часто используемый показатель неравенства, рассчитываемый как отношение площади фигуры, образованной кривой Лоренца и прямой

равенства, к площади треугольника, образованного прямой абсолютного равенства и осями, и переведённый из долей в процентную шкалу. В качестве источника данных мы используем The Standardized World Income Inequality Database - наиболее полную базу данных показателей неравенства, собираемую профессором Гарварда Фредериком Солтом (Solt, 2019). Изменяется от 0 до 100. Числовые данные.

- Среднее число лет образования граждан старше 15 лет (*ed*).

Это наиболее часто используемый показатель уровня образования, который содержательно отображает интересующий нас предиктор и достаточно доступен в данных. Мы извлекаем этот показатель из V-dem (*Varieties of Democracy (V-Dem) Project, Version 12*, 2022). Числовые данные.

- Нахождение в состоянии войны (*conf*).

В качестве источника этих данных мы используем Correlates of War dataset (Palmer Glenn & Lane, 2021), базу данных MIDB. Тип данных в датасете - бинарная переменная. Для анализа данных мы преобразовали её в категориальную: 1 в случае, если государство было инициатором конфликта, -1 в случае, если это защищающаяся сторона, и 0 в том случае, если государство не участвовало в конфликтах в год наблюдения. Также, конфликты пронумерованы для адекватного составления направленного графа.

Таблица 5: Описательные статистики базы данных

accountability	veto	alliance	gini_disp	ed	conf
Min. :0.0450	0:1077	0:2423	Min. :17.50	Min. : 0.000	-1: 85
1st Qu.:0.5970	1:1796	1: 450	1st Qu.:32.60	1st Qu.: 4.178	0 :2103
Median :0.8080			Median :39.20	Median : 7.411	1 : 685
Mean :0.7334			Mean :39.06	Mean : 6.956	
3rd Qu.:0.9300			3rd Qu.:44.40	3rd Qu.:10.227	
Max. :0.9800			Max. :67.10	Max. :13.610	

Итого, в выборку вошло чуть менее 3000 наблюдений за период 1993-2014 для 150 государств. Значительное сокращение массива было вызвано пропусками в

данных; так, для более чем 50 государств вообще не рассчитан индекс Джини в первой декаде XXI века; данные о числе лет образования отсутствуют для ряда африканских государств; данные о подотчетности редко рассчитываются для государств за пределами первой сотни по ВВП. Описательные статистики представлены в таблице 5.

Датасет достаточно сбалансирован. К примеру, распределение стран по индексу Джини даже близится к нормальному по форме:

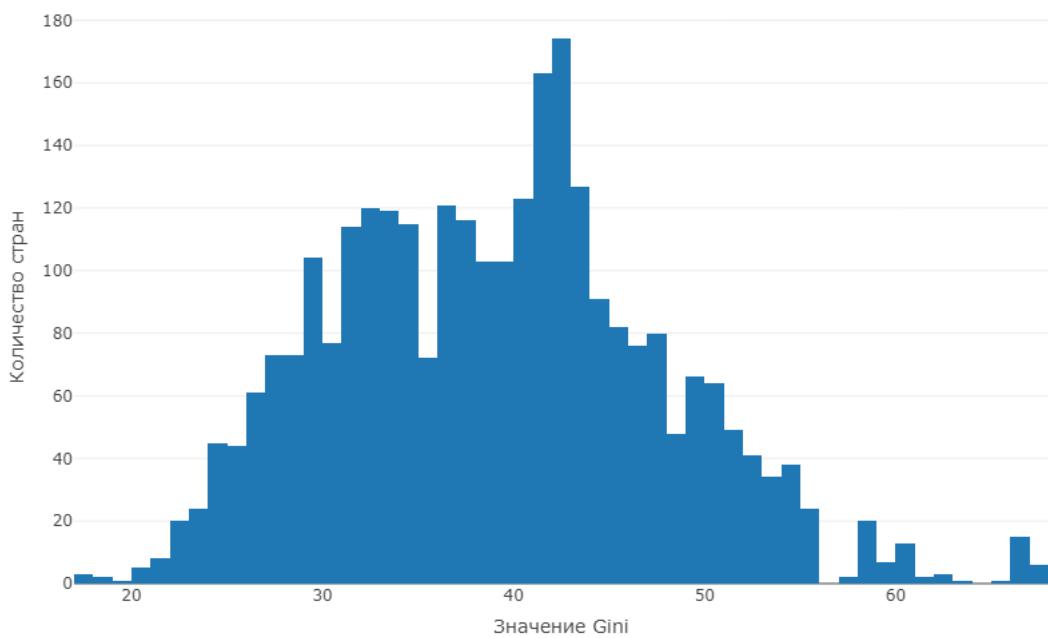

Рис. 2: Количество стран по значению индекса Джини

Сетевой анализ

Для исследования мы считаем разумным использовать методы сетевого анализа, а конкретно - модель SAOM. Во-первых, исследовательский вопрос в целом связан с построением сетевой структуры: воюющие страны образуют естественный граф, в вершинах которого находятся страны, а ориентированные ребра которого прокладываются между странами, воюющими друг с другом. Во-вторых, данные имеют панельную структуру: переменные очевидным образом имеют временную динамику. Этой временной динамикой нельзя пренебречь, так как, к примеру, человеческий капитал в равновесном состоянии экономики возрастает экспоненциально (Romer, 2001), членство в альянсах, индекс Джини и подотчетность также имеют временную динамику.

Все эти факторы позволяет учесть стохастическая акторно-ориентированная модель (Stochastic Actor-oriented Model). Она была разработана Томом Снайдерсоном и соавторами (Snijders, Van de Bunt, & Steglich, 2010) для того, чтобы представить динамику сети на основе наблюдаемых лонгитюдных данных. Допущения модели следующие:

- Время t является непрерывным. Оценка параметров предполагает, что данные наблюдаются в два или более дискретных момента времени (в моменты исследования). Модель предполагает, что между наблюдаемыми периодами сбора данных происходят ненаблюдаемые микропроцессы. Это позволяет объяснить, как не связанные в момент времени $t = 0$ вершины оказываются связанными в момент времени $t = 1$: это связано с процессами, которые происходили между моментами наблюдения.
- Процесс является марковским и обладает марковским свойством памяти: вся информация, содержащаяся в предыдущем состоянии сети $t = \tau - 1$, определяет вероятность, с которой связи присутствуют/отсутствуют на следующем этапе $t = \tau$. Факторы, которые произошли еще раньше во времени (к примеру, $t = \tau - 2$), не оказывают никакого влияния на сеть в момент времени $t = \tau$.

- Актор, принимающий решение о прокладывании ребра графа с другим актором (ego, обозначим как i), решает, хочет ли он быть связанным с другим актором (alter, обозначим как j). То есть, акторы самостоятельны в принятии решений о прокладывании рёбер.
- В любой момент времени может измениться только одно ребро. Следовательно, связи меняются последовательно. Это упрощает моделирование сети.
- Скорость, с которой меняются связи, зависит от позиции и ковариат актора и его/ее изменений в сети.
- Предполагается одинаковая целевая функция агентов.
- Неоднородность добавляется к модели путем включения сетевых эффектов и ковариат. Но основное предположение заключается в том, что акторы оценивают только влияние своего решения на свое положение в сети и не учитывают последующие решения других акторов.

В целом, предполагаемая к моделированию зависимость отвечает данным свойством: время можно считать непрерывным, мы можем пренебречь фактором памяти, мы можем предположить одинаковую целевую функцию агентов.

Моделирование графа

- Для каждого момента времени t в вершинах графа находятся конкретные страны
- Для каждого момента времени t рёбрами соединены страны, которые *находятся в состоянии войны*. Это необычное предложение объясняется тем, что в качестве *связи* акторов друг с другом мы предлагаем рассматривать военные отношения акторов между собой, в чём есть весьма прозрачная интуиция от обратного: вполне можно считать не воюющие друг с другом страны находящимися в добрососедских отношениях.

- Тогда в каждый момент времени система описывается матрицей смежности графа размера $n \times n$, где n - число стран, доступных для наблюдения в каждый момент времени. Эта бинарная матрица задаётся поэлементно следующим образом:

$$a_{i,j}^t = \begin{cases} 1 & , \text{ если государство } i \text{ воюет} \\ 0 & , \text{ если государство } i \text{ не воюет} \end{cases}$$

Тогда в качестве отклика в нашей модели выступит переменная $a_{i,j}^t$, а в качестве индивидуальных ковариат - *accountability, veto, alliance, gini_disp, ed.* К несчастью, для этой оценки нам придется усечь выборку, так как модель не допускает добавления новых вершин. В итоговой базе данных около 1500 наблюдений за 2001-2014 годы для 115 стран.

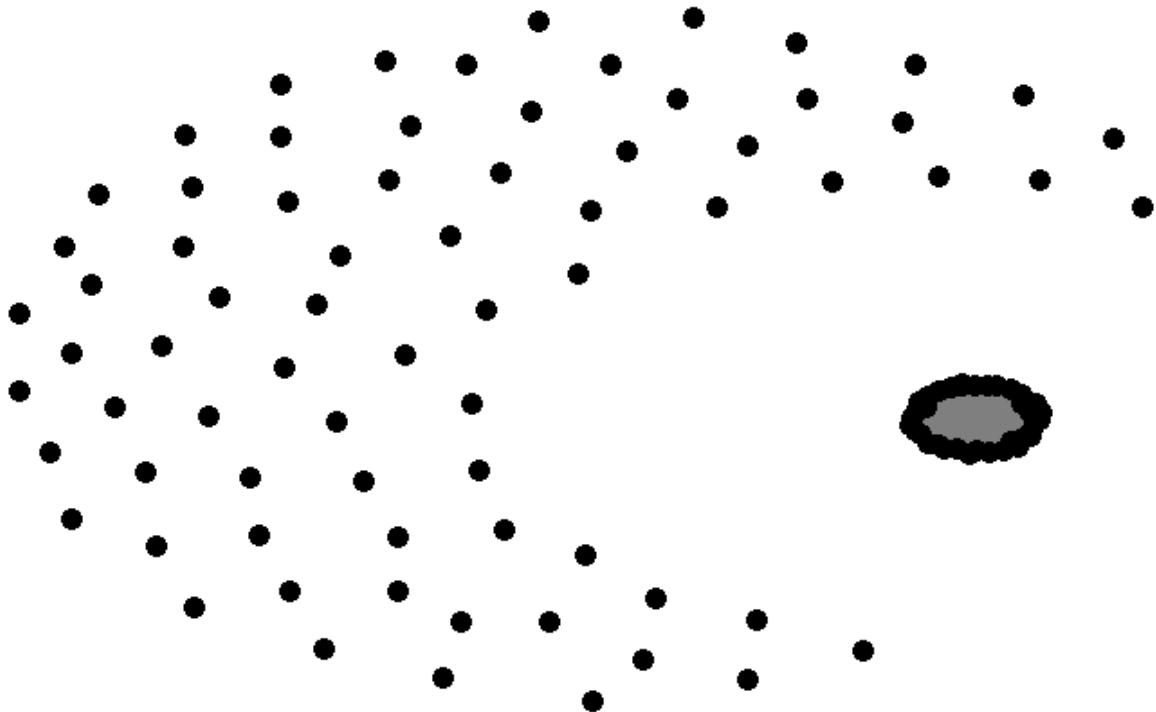

Рис. 3: Граф военных конфликтов для 2001 года. Страны, соединенные ребрами, воюют.

Интерпретация оценок коэффициентов

Мы оценили модель SOAM с включением всех возможных эффектов.

Некоторые переменные не показывают сходимости, так как t -convergence для них значительно выше любого разумно установленного порога (к примеру, 0.5). Тем не менее, оценки коэффициентов вместе значимы и модель состоятельна (при тестировании модели на тест Вальда).

Таблица 6: Оценки значений параметров

			mean	t-convergence
1.	rate	constant ae_is rate (period 1)	23.07	0.22
2.	rate	constant ae_is rate (period 2)	24.33	0.85
3.	rate	constant ae_is rate (period 3)	18.88	0.51
4.	rate	constant ae_is rate (period 4)	14.80	0.38
5.	rate	constant ae_is rate (period 5)	14.11	0.59
6.	rate	constant ae_is rate (period 6)	5.87	0.60
7.	rate	constant ae_is rate (period 7)	5.09	0.27
8.	rate	constant ae_is rate (period 8)	4.80	0.01
9.	rate	constant ae_is rate (period 9)	7.20	0.77
10.	rate	constant ae_is rate (period 10)	79.25	-3.93
11.	rate	constant ae_is rate (period 11)	32.15	1.11
12.	rate	constant ae_is rate (period 12)	19.21	0.3
13.	rate	constant ae_is rate (period 13)	19.06	0.41
14.	eval	degree (density)	-1.39	0.65
15.	eval	acc alter	-0.23	0.25
16.	eval	acc ego	-0.27	0.25
17.	eval	acc similarity	-0.09	0.75
18.	eval	veto alter	-0.04	0.40
19.	eval	veto ego	-0.04	0.40
20.	eval	veto similarity	0.04	0.93
21.	eval	alliance alter	0.24	-0.40
22.	eval	alliance ego	0.27	-0.40
23.	eval	alliance similarity	0.08	0.98
24.	eval	gini_disp alter	-0.00	0.76
25.	eval	gini_disp ego	-0.00	0.76
26.	eval	gini_disp similarity	0.13	-1.36
27.	eval	ed alter	0.01	0.54
28.	eval	ed ego	0.01	0.54
29.	eval	ed similarity	-0.06	0.03

Интерпретация оценок полностью согласуется со всеми теоретическими предложением работы: действительно, все указанные переменных имеют *отрицательный* эффект на моделирование сети.

Заключение

В заключение следует сказать, что моделирование крайне неоднозначно ввиду собственной спецификации. Не очень понятно, почему были включены все эффекты всех переменных. Можно попробовать ответить на этот вопрос, добавив, что у нас нет изначальных предположений о характере связи между откликом и предикторами, в связи с чем в базовом моделировании следует учесть все возможные эффекты, и лишь затем переоценивать модель с удалением статистически не значимых и не сходящихся коэффициентов.

Огромным недостатком модели также является скорость её сходимости. Модель не могла найти оценки коэффициентов при количестве эпох, меньшем 10^6 , и полное обучение заняло около 6 часов. Это можно связать с огромным количеством данных: сеть была задана многомерной матрицей размером $109 \times 109 \times 14$, что крайне негативно сказывается на скорости сходимости.

В связи с этим нам кажется разумным в качестве дополнения нашей работы рассмотреть аналогичное моделирование для усечённых выборок, возможно, используя меньшее число стран или параметров.

Тем не менее, модель в целом состоятельна и доказывает основные положения современной литературы о теории демократического мира. На основании приведенного моделирования мы действительно можем считать эффекты институциональной логики значимыми в вопросе международных отношений. Кроме того, значимыми оказалась и эффекты человеческого капитала. Эффекты неравенства в нашем моделировании, к несчастью, не показали достаточной сходимости. Это можно связать с изначально нелинейным характером связи между откликом и Джини.

Для устранения данных факторов нам кажется разумным использовать другие типы более сложного моделирования, к примеру, байесовские регрессии для временных рядов или логит-модели для временных рядов. Эконометрическое моделирование в целом позволяет учесть квадратичный эффект переменной при включении её дважды в преобразованном виде.

В заключении мы ещё раз выражаем большую благодарность научному руководителю, Мальцеву Артёму Михайловичу. Без его методологических консультаций и помощи в поиске литературы данная работа едва ли была бы возможна.

Список литературы

- Acemoglu, D., Johnson, S., Robinson, J. A., & Yared, P. (2005). From education to democracy? *American Economic Review*, 95(2), 44–49.
- Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2012). *Why nations fail: The origins of power, prosperity and poverty*. Profile London.
- Barnet, R. J. (1972). *Intervention and revolution: The united states in the third world* (Vol. 269). Signet Book.
- Baron, D. P., & Ferejohn, J. A. (1989). Bargaining in legislatures. *American political science review*, 83(4), 1181–1206.
- Beitz, C. R. (1999). *Political theory and international relations*. Princeton University Press.
- Bill, J. A. (1988). *The eagle and the lion: the tragedy of american-iranian relations*. Yale University Press.
- de Mesquita, B. B., Morrow, J. D., Siverson, R. M., & Smith, A. (1999). An institutional explanation of the democratic peace. *American Political Science Review*, 93(4), 791–807.
- de Mesquita, B. B., Morrow, J. D., Siverson, R. M., & Smith, A. (2004). Testing novel implications from the selectorate theory of war. *World Politics*, 56(3), 363–388.
- Demin, A. (2018). *Does inequality lead to wars? an empirical analysis* (Unpublished master's thesis). Higher school of economics, Moscow.
- Dieterich, S., Hummel, H., & Marschall, S. (2015). Bringing democracy back in: The democratic peace, parliamentary war powers and european participation in the 2003 iraq war. *Cooperation and Conflict*, 50(1), 87–106.
- Dixon, W. J. (1994). Democracy and the peaceful settlement of international conflict. *American political science review*, 88(1), 14–32.
- Doyle, M. W. (2017). Kant, liberal legacies, and foreign affairs. In *Kant* (pp. 503–533). Routledge.
- Easley, E. (2004). *The war over perpetual peace: an exploration into the history of a foundational international relations text*. Springer.

- Farber, H. S., & Gowa, J. (1997). Common interests or common polities? reinterpreting the democratic peace. *The Journal of Politics*, 59(2), 393–417.
- Farwell, B. (1973). *Queen victoria's little wars*. Allen Lane London.
- Featherstone, D. F. (1973). *Colonial small wars, 1837-1901*. David & Charles.
- Forsythe, D. P. (1992). Democracy, war, and covert action. *Journal of Peace Research*, 29(4), 385–395.
- Gardner, P. F. (2019). *Shared hopes, separate fears: Fifty years of us-indonesian relations*. Routledge.
- Gartzke, E. (1998). Kant we all just get along? opportunity, willingness, and the origins of the democratic peace. *American Journal of Political Science*, 1–27.
- George, A. L., & McKeown, T. J. (1985). Case studies and theories of organizational decision making. *Advances in information processing in organizations*, 2(1), 21–58.
- Glaeser, E. L., Ponzetto, G. A., & Shleifer, A. (2007). Why does democracy need education? *Journal of economic growth*, 12(2), 77–99.
- Gleijeses, P. (1991). *Shattered hope: the guatemalan revolution and the united states, 1944-1954*. Princeton University Press.
- Goldin, C. (2016). Human capital. In C. Diebolt & M. Haupert (Eds.), *Handbook of cliometrics* (p. 55-86). Heidelberg, Germany: Springer Verlag.
- Guriev, S., & Treisman, D. (2022). *Spin dictators: The changing face of tyranny in the 21st century*. Princeton University Press.
- Gurtov, M. (1974). *The united states against the third world: antinationalism and intervention* (Vol. 811). Greenwood.
- Haesebrouck, T., & van Immerseel, A. (2020). When does politics stop at the water's edge? A QCA of parliamentary consensus on military deployment decisions. *European Political Science Review*, 12(3), 371–390. doi: 10.1017/S1755773920000223
- Haythorpe, P. J. (1995). *The colonial wars source book*. London: Arms and Armour Press.
- Hernon, I. (2000). *The savage empire: Forgotten wars of the nineteenth century*.

- Phoenix Mill: Sutton.
- Houle, C. (2018). Does economic inequality breed political inequality? *Democratization*, 25(8), 1500–1518.
- Justino, P. (2011). Violent conflict and human capital accumulation. *IDS Working Papers*, 2011(379), 1–17.
- Kaarbo, J., & Kenealy, D. (2016). No, prime minister: Explaining the House of Commons' vote on intervention in Syria. *European Security*, 25(1), 28–48.
- Kam, E. (2009). *Surprise attack: The victim's perspective*. Harvard University Press.
- Kant, I. (1970). *Perpetual peace: A philosophical sketch*. Cambridge University Press Cambridge.
- King, G., Keohane, R. O., & Verba, S. (1994). Designing social inquiry. In *Designing social inquiry*. Princeton university press.
- Lagassé, P., & Mello, P. A. (2018). The unintended consequences of parliamentary involvement: Elite collusion and afghanistan deployments in canada and germany. *The British Journal of Politics and International Relations*, 20(1), 135–157.
- Lake, D. A. (1992). Powerful pacifists: Democratic states and war. *American Political Science Review*, 86(1), 24–37.
- Lalman, D., & de Mesquita, B. B. (1994). *War and reason: Domestic and international imperatives*. Yale University Press.
- Latour, B. (2007). *Reassembling the social: An introduction to actor-network-theory*. Oup Oxford.
- Layne, C. (2014). Kant or cant: The myth of the democratic peace. In *Realism reader* (pp. 301–310). Routledge.
- Leacock, R. (1990). *Requiem for revolution: the united states and brazil, 1961-1969* (No. 3). Kent State University Press.
- Lichbach, M. I. (1989). An evaluation of “does economic inequality breed political conflict?” studies. *World politics*, 41(4), 431–470.
- Maoz, Z. (1998). Realist and cultural critiques of the democratic peace: A theoretical and empirical re-assessment. *International Interactions*, 24(1), 3–89.

- Mello, P. A. (2012, jun 01). Parliamentary peace or partisan politics? Democracies' participation in the Iraq War. *Journal of International Relations and Development* 2012-jun 01 vol. 15 iss. 3, 15. doi: 10.1057/jird.2012.11
- Mello, P. A. (2014a). *Democratic participation in armed conflict: Military involvement in Kosovo, Afghanistan, and Iraq*. Springer.
- Mello, P. A. (2014b). *Democratic peace theory*. The SAGE Encyclopedia of War: Social Science Perspectives.
- Melville, A., Stukal, D., & Mironiuk, M. (2014). King of the mountain, or why postcommunist autocracies have bad institutions. *Russian Politics & Law*, 52(2), 7–29.
- Mill, J. S. (1875). *Dissertations and discussions: Political, philosophical, and historical* (Vol. 2). Longmans, Green, Reader, and Dyer.
- Mollov, S. (2019). *Kant's international relations: The political theology of perpetual peace*. University of Michigan Press.
- Oneal, J. R., & Russett, B. (1999). Assessing the liberal peace with alternative specifications: Trade still reduces conflict. *Journal of Peace Research*, 36(4), 423–442.
- Owen, J. M. (2000). *Liberal peace, liberal war: American politics and international security*. Cornell University Press.
- Padovano, F., & Venturi, L. (2001). Wars of attrition in italian government coalitions and fiscal performance: 1948–1994. *Public Choice*, 109(1), 15–54.
- Palmer Glenn, M. K., Vito D'Orazio, & Lane, M. (2021). *Correlates of war data*. The Correlates of War Data Project. Retrieved from <https://correlatesofwar.org/data-sets/MIDs>
- Przeworski, A., Alvarez, R. M., Alvarez, M. E., Cheibub, J. A., Limongi, F., Neto, F. P. L., et al. (2000). *Democracy and development: Political institutions and well-being in the world, 1950-1990* (No. 3). Cambridge University Press.
- Rawls, J. (1993). The law of peoples. *Critical inquiry*, 20(1), 36–68.
- Reiter, D., & Stam, A. C. (2010). Democracies at war. In *Democracies at war*. Princeton University Press.

- Rohner, D., Thoenig, M., & Zilibotti, F. (2013, 02). War Signals: A Theory of Trade, Trust, and Conflict. *The Review of Economic Studies*, 80(3), 1114-1147. doi: 10.1093/restud/rdt003
- Romer, D. (2001). Is Growth Exogenous? Taking Mankiw, Romer, and Weil Seriously: Comment. *NBER Macroeconomics Annual*, 16, 62–70.
- Rosato, S. (2003). The flawed logic of democratic peace theory. *American political science review*, 97(4), 585–602.
- Rourke, J. T. (1993). *Presidential wars and american democracy: rally round the chief*. Paragon House.
- Russet, B. (1993). *Grasping the democratic peace: Principles for a post-cold war world*. Princeton University Press.
- Ryan, D. (2016). *Us-sandinista diplomatic relations: Voice of intolerance*. Springer.
- Sater, W. F. (1990). *Chile and the united states: Empires in conflict* (Vol. 3). University of Georgia Press.
- Schäfer, A., & Schwander, H. (2019). ‘don’t play if you can’t win’: does economic inequality undermine political equality? *European Political Science Review*, 11(3), 395–413.
- Singer, J. D., & Small, M. (1994). Correlates of war project: International and civil war data, 1816-1992 (icpsr 9905). *Ann Arbor, MI: Inter-University Consortium for Political and Social Research*.
- Snijders, T. A., Van de Bunt, G. G., & Steglich, C. E. (2010). Introduction to stochastic actor-based models for network dynamics. *Social networks*, 32(1), 44–60.
- Solt, F. (2019). *The Standardized World Income Inequality Database, Versions 8-9*. Harvard Dataverse. doi: 10.7910/DVN/LM4OWF
- Thyne, C. L. (2006, 11). ABC’s, 123’s, and the Golden Rule: The Pacifying Effect of Education on Civil War, 1980–1999. *International Studies Quarterly*, 50(4), 733-754. doi: 10.1111/j.1468-2478.2006.00423.x
- Tillema, H. K. (1973). *Appeal to force: American military intervention in the era of containment*. Crowell.
- Tsebelis, G. (1999). Veto players and law production in parliamentary democracies:

- An empirical analysis. *American political science review*, 93(3), 591–608.
- Tsebelis, G. (2000). Veto players and institutional analysis. *Governance*, 13(4), 441–474.
- Tsebelis, G. (2011). Veto players. In *Veto players*. Princeton University Press.
- Van Evera, S. (1997). *Guide to methods for students of political science*. Cornell University Press.
- Varieties of Democracy (V-Dem) Project, Version 12.* (2022). University of Gothenburg.
- Wagner, W. (2018). Is there a parliamentary peace? Parliamentary veto power and military interventions from Kosovo to Daesh. *The British journal of politics and international relations*, 20(1), 121–134.
- Weart, S. R. (2001). Remarks on the ancient evidence for democratic peace. *Journal of Peace Research*, 38(5), 609–613.
- Weis, W. M. (1993). *Cold warriors & coups d'etat: Brazilian-american relations, 1945-1964*. University of New Mexico Press.
- Weitsman, P. A. (2010). Wartime alliances versus coalition warfare: how institutional structure matters in the multilateral prosecution of wars. *Strategic Studies Quarterly*, 4(2), 113–138.